

К ИСТОРИИ РУССКОГО ВОЛЬТЕРИАНСТВА В XIX в.

В истории знакомства в России с произведениями Вольтера факты, относящиеся к XIX столетию, изучены особенно недостаточно. Давно уже создалось и долгое время внушалось разнообразными историческими трудами представление, что культ мысли и творчества Вольтера, с особой силой проявившийся у нас в 60—80-е годы XVIII в. в довольно широких слоях русской интеллигенции, уже к концу этого столетия находился на ущербе, исчерпал себя, а в начале следующего столетия будто бы отзывался уже явным анахронизмом. Такое представление основывалось на том, что в начале 90-х годов под воздействием опасений, внушенных революционными событиями во Франции, в России начались репрессии против печатных и устных распространителей «вольтеровых заблуждений», а сам «фернейский мудрец» был объявлен одним из вдохновителей этой революции, человеком, открывшим «бездну кипящей крови»; о нем писали в Петербурге осенью 1793 г.: «Все злодеи вкупе не могли произвести столько зла, сколько произвел один Вольтер».¹

Указанная схема отличалась искусственностью и была основана лишь на недостаточной разработанности интересующего нас вопроса в русской историографии; в действительности происходило нечто иное. Творчество Вольтера было в России живым и действенным в течение всего XIX века, но восприятие его читателями прошло несколько этапов, от своего возрождения в начальные годы царствования Александра I, когда с имени Вольтера и вообще французской просветительской философии в России был полуофициально на некоторое время снят запрет;² затем насту-

¹ Обе цитаты приведены в кн.: М. М. Штрагге. Русское общество и французская революция 1789—1794. М., 1956, стр. 161. Ср.: Н. Брусилов. Бедный Леандр, или Автор без риторики. СПб., 1803, стр. 30 («Вольтер был самый едкий человек, он много сделал вреда Франции ... Переворот ... я приписываю большею частью его и других философов Франции сочинениям»).

² «Увлечение Вольтером в начале XIX в., по-видимому, несколько не слабеет, — наоборот, свидетельства мемуаров делаются все обильнее, показания ярче, и самые облики русских вольнодумцев обрисовываются яснее», — отме-

пила пора нового сурового осуждения наследия Вольтера и всевозможных цензурных ограничений, связанных с упоминанием его имени в русской печати; эта пора продолжалась с половины 20-х до середины 50-х годов, в течение которых эти запреты обновлялись и усиливались периодически (например, после 1825 г. и в 1848 г.). Наконец, в 70-е годы вспыхнул снова интерес к личности и писаниям Вольтера, вызвавший новые работы русских переводчиков, критиков, историков и отразившийся также в художественной литературе тех лет. Во все указанные периоды русское «вольтеррианство» принимало своеобразные, порою весьма причудливые формы как в литературе, так и в быту; оно было не только традиционным увлечением, шедшим по инерции от прошлого столетия, но все время приспособлялось к новым меняющимся формам интеллектуальной и общественной жизни в России этого века.

В 1870 г., руководствуясь той же схемой и не располагая еще сведениями для ее опровержения, журнал «Отечественные записки»³ пытался вовсе отрицать сколько-нибудь серьезное значение Вольтера для русских читателей в XIX столетии.

Однако простой перечень переводов произведений Вольтера на русский язык, сделанных в XIX в., или подражаний им не может дать полного представления о том, чем было русское «вольтеррианство» той поры, — сложный и все время видоизменявшийся комплекс умственных тенденций, литературных вкусов и бытовых навыков, безусловно заслуживающих дифференцированного анализа.

Традиционным в XIX в., восходящим к своим истокам в предшестующем столетии, был в России интерес к личности Вольтера, проявлявшийся не менее ярко, чем к его писаниям. Интерес этот обусловлен был различными причинами. С одной стороны, Вольтер не был кабинетным писателем, но ярким публицистом, публичными выступлениями которого интересовались не в меньшей степени, чем его писаниями; жизнь Вольтера продолжалась долго, и количество людей, его знавших или с ним враждовавших, было очень велико; к тому же в самой полемике аргументы *ad hominem* в XVIII в. считались наиболее убедительными, и поэтому еще при жизни Вольтера о его человеческих качествах, особенностях или привычках опубликовано было множество самых противоречивых данных. С другой стороны, Вольтер несколько десятилетий нахо-

чал В. В. Сиповский в статье «Из истории русской мысли XVIII—XIX вв. (Русское вольтеррианство)» («Голос минувшего», 1914, №1, стр. 114). В этой ценной статье собрано много данных о популярности Вольтера в начале XIX в.; для более позднего времени, однако, указания автора носят случайный, эпизодический характер. Ср.: М. В. Нечкина. Вольтер и русское общество. — В сб.: Вольтер. Статьи и материалы, под ред. акад. В. П. Волына, М.—Л., 1948, стр. 86—90.

³ См.: «Отечественные записки», 1870, № 6, отд. II, стр. 235 (в рецензии на книгу: Романы и повести Фр. М. Вольтера, перевод Н. П. Дмитриева, СПб., 1870).

дился в личных отношениях и переписке с русскими людьми и в русских государственных и домашних архивах накопились перво-классные материалы для его биографии. Наконец, именно в первой половине XIX в. в России возникло специфическое обостренное любопытство читателей к частной жизни всякого деятеля на поприще литературы или искусства прошлого или настоящего времени, а также к уяснению его взаимоотношений с обществом, его окружавшим. В 20-х годах достаточно ясно высказывался по этому поводу кн. П. А. Вяземский, в частности, в письме, помещенном в «Сыне отечества» 1823 г. Утверждая, что хотя «конечно, главное в жизни сочинителя есть сочинения его» и что «потомство по ним судит о человеке», Вяземский отмечал все же, что «любопытство наше не ограничивается одним познанием гласных деяний того, который имеет право на внимание наше. Мы хотим проникнуть в тайны его частной и сокровенной домашней жизни; не довольствуемся тем, что читаем его, но желаем некоторым образом подсматривать и подслушивать и, так сказать, делаться из потомков современниками мужей знаменитых». ⁴ Следует сказать, что западноевропейская и русская литература шли навстречу подобным запросам. Деятельность Вольтера как писателя подвергалась переоценке и осуждению, его сочинения могли вызывать негодование и даже «ужас», но интерес к его личности этим только повышался: каков он был на самом деле, в своей человеческой сфере, этот «фернейский злой крикун»? Опасения и запреты всякого рода не могли, разумеется, истребить память о том, что Вольтер как ни как был советником и корреспондентом многих видных государственных деятелей и даже царствующих особ своего времени. Это в какой-то мере оправдывало тогда — по крайней мере для цензурных инстанций и официальных лиц — интерес к личности Вольтера: если его некогда не чуждались «сильные мира сего», следовательно, общение с ним было не вовсе законопреступным. ⁵ Стоит иметь в виду, что еще в 20-е годы в России доживали свой век вельможи екатерининских времен, лично знавшие и помнившие Вольтера, а публикация его переписки только начиналась не только у нас, но и за рубежом. Как известно, именно по поводу изданной в 1836 г. переписки Вольтера с Де Броссом Пушкин сказал свои известные слова: «Всякая строчка великого писателя становится драгоценной для потомства. Мы с любопытством рассматриваем автографы, хотя бы они были не что иное, как отрывок из расходной тетради или записка к портному об отсрочке платежа». ⁶ Количество различных статей и заметок о Вольтере,

⁴ «Сын отечества», 1823, ч. 87, № XXXVII, стр. 164.

⁵ «Переписка Вольтера с имп. Екатериной II» почти одновременно вышла в Москве и Петербурге в пяти изданиях (1802—1803).

⁶ А. С. Пушкин, Полн. собр. соч., т. XII, Изд. АН СССР, 1949, стр. 75.

анекдотов и документальных материалов, появившихся в русской печати середины XIX в., среди которых, в частности, были даже как раз его собственноручные приходо-расходные записи, дававшие основание судить о том, «какими средствами он основал и увеличил свое состояние»,⁷ — было чрезвычайно велико. Их изобилие даже внушает подозрение, что у нас в периоды его осуждения публикацией статей этого рода о личности Вольтера стремились либо подменить интерес к его литературному наследию, либо напротив, искусно маскировать и легализовать этот интерес.

В начале века в московском университетском журнале напечатана была статья «Слабости Вольтера»; в ней помещено несколько анекдотов, подтверждающих якобы ту истину, что «и просвещеннейшие умы подвержены слабостям, которые ставят их наряду с обыкновенными людьми. Вольтер платил сию дань, налагаемую Природою на великих людей для того, чтобы они не гордились преимуществами своими».⁸ Все это подтверждает, что интерес к Вольтеру-человеку продолжал у нас существовать и что Н. А. Полевой, безусловно, ошибался, утверждая, что «Вольтер уже совершенно умер для нас», хотя «со времени его смерти до нас далеко не прошло и ста лет».⁹

Продолжались в XIX в. также и путешествия русских в Ферней. В предшествующем столетии это знаменитое поместье Вольтера на франко-швейцарской границе видело множество русских путешественников, ездивших сюда с поручениями и по собственному почину. Их было так много при жизни владельца, что старик Вольтер, смеясь, называл себя «le vieux Russe de Ferney».¹⁰ Здесь появлялись и посланцы императрицы, курьеры с письмами и подарками, и просто любопытные, когда, по словам Н. Иванчина-Писарева, рассказывавшего о двух таких посещениях со слов самих путешественников, «самолюбие стремилло всех к тогдашнему центру ученой знаменитости . . . всё спешило в Ферней».¹¹ К сожалению, полного перечня русских посетителей Вольтера в XVIII в. мы

⁷ Записная книга Вольтера. — «Современник», 1847, № 11, ноябрь, отд. IV, стр. 48—52.

⁸ «Минерва. Журнал российской и иностранной словесности», М., 1806, ч. III, стр. 42—52.

⁹ «Новый живописец общества и литературы», составленный Н. Полевым, ч. 5, М., 1832, стр. 234—235.

¹⁰ Albert Lortholary. Le mirage russe en France au XVIII siècle. Paris, 1951, стр. 129.

¹¹ Ник. Иванчин-Писарев. Отечественная галерея с прибавлением некоторых других сочинений, ч. I. М., 1832, стр. 161—163, 178—179; автор рассказывает о встречах с Вольтером гр. В. Г. Орлова и кн. Ф. Н. Голицына с их слов. Здесь можно вспомнить и о побывавшем в Фернее кн. Н. Б. Юсупове, портрет которого увековечен Пушкиным в стихотворении «Вельможе» (1829), о гр. Н. П. Румянцеве, в юности посетившем Ферней вместе с братом: они видели Вольтера «весьма уже старого и лежащего в постели» и т. д. Было бы весьма желательно составить перечень русских посетителей Фернея в XVIII в.

не имеем; о более поздних паломничествах не приходится говорить: сведения о них отрывочны и затеряны.

После смерти Вольтера (1778), на исходе XVIII века, незадолго до начала открытой кампании в России против «вольтерьянцев», Ферней посетил и кратко запечатлел в своих «Письмах русского путешественника» Н. М. Карамзин (см. записи под датой 2 октября 1789 г.). Он видел уже разоренное вольтеровское гнездо. Карамзин пришел в Ферней пешком ненадолго из Женевы вместе с случайным попутчиком («Кто, будучи в Женевской республике, не почтет за приятную должность быть в Фернее, где жил славнейший из писателей нашего века?»), быстро осмотрел «спальню Вольтерovu», которая «служила ему и кабинетом, из которого он поучал, трогал и смешил Европу», побродил по аллеям парка, описал открывающийся отсюда пейзаж на «Белую Савойскую гору» (Монблан) и ушел, унося смутное впечатление от знаменитой усадьбы и чувствуя больше сердечной приязни к антагонисту фернейского мудреца — Ж.-Ж. Руссо.

Когда тот же Карамзин оказался в Веймаре и дважды повидался здесь с Виландом, русский путешественник показался здесь неожиданным и непривычным гостем. Виланд сказал Карамзину, указывая на бюст Вольтера, что некогда ему пришлось видеть Андрея Шувалова, «острого человека, напитанного духом этого старика», но что он не знал еще о русских любителях немецкой поэзии. С. Н. Дурылин счел эту встречу и беседу Карамзина с Виландом симптоматичной во всех отношениях: до тех пор, писал он, «русская культурная тропа в Европу была известна одна: в Ферней, к Вольтеру», но она становилась все глуше и ее постепенно начала заменять менее опасная и более открытая дорога: русские паломники теперь ездили в Веймар, на поклон к Гете.¹²

Между тем путешествия русских туристов в Ферней продолжались, и впечатления от этих поездок иногда появлялись и в русской печати. Так, например, в апреле 1809 г. в Фернее побывал адъютант Александра I и будущий военный историк А. И. Михайловский-Данилевский. Краткий его рассказ об этом посещении был опубликован в 1817 г. в «Русском вестнике» С. Н. Глинки. Показателем резко изменившихся отношений к Вольтеру в русских правительственных кругах за десятилетие может служить то, что этот нехитрый и не заключавший в себе каких-либо особо интересных данных рассказ подвергся в 1817 г. если не полному запрещению на страницах указанного журнала, то, во всяком случае, изъятию из него нескольких «соблазнительных» мест. Впоследствии сам Михайловский-Данилевский вспоминал об этих изъятиях, свидетельствовавших о «непомерной боязливости цензоров». Однажды к нему явился один из чиновников цензуры «и сказал,

¹² С. Н. Дурылин. Русские писатели у Гете в Веймаре. — Литературное наследство, № 4—6, 1932, стр. 98—99, 122.

что начальники ее просят меня переменить одно место в моей рукописи». Это было при описании «Фернейского замка, где, упоминая о той площадке, любимой Вольтером, с которой открывается соединение гор Юры с Альпийским хребтом, я говорю, что, вероятно, на этом месте он сочинил то прекрасное послание, в котором помещен сей стих:

Liberté, ton trône est en ces lieux.

Цензоры желали, чтобы я слово *liberté* заменил другим. Я без смеха не мог выслушать сего предложения и отвечал, что, во-первых, стих сей не заключает в себе ничего предосудительного и что послание, в котором он находится, известно всему просвещенному свету, а во-вторых, я не беру на себя, да и никто не осмелится исправлять сочинения Вольтера. Убеждения мои были тщетны, и стих сей на этот раз сделался жертвою невежества цензоров». ¹³ Приводим для сопоставления это место в допущенном для печати виде: «Ферней принадлежит г-ну Бюдо. Позади дома находится сад, в котором открытое место или площадка, где прогуливался Вольтер и с которого видно соединение Альпийских гор с хребтом Юры; отсюда раздавался во все части света и глас великого певца, а ныне — глубокое безмолвие изредка прерывается путешественниками, которые переносятся воображением в то время, когда жил Вольтер». ¹⁴ Издатель «Русского вестника» был, очевидно, настолько напуган цензурным вмешательством в публикацию указанной страницы, что добавил несколько своих примечаний к тексту для «нейтрализации» наиболее «опасных» мест. Так, к первой фразе автора — «Я сегодня ходил на поклонение в Ферней, где Вольтер провел лучшую часть своей жизни, откуда хотел он просвещать вселенную!» С. Н. Глинка прибавил в сноске: «Замыслы тщеславия — мечты!» Другая фраза автора — «Если бы Вольтер ничего не сочинил, а известен был только основанием Фернея, то и за сие заслужил бы он благодарность друзей человечества», — сопровождается следующим замечанием: «Друзья человечества жалеют, что перо его излило множество отрав».

Очевидно, С. Н. Глинка имел достаточные поводы для осторожности. В журнале «Улей» помещены следующие строки:

Бронехранилище ужасное — Ферней —
Волшебным маяком был для Европы всей,
Что тридцать лет горел, все жег, не угасая
и т. д.

К слову «бронехранилище» дано следующее пояснение: «Арсенал мысленный Вольтера в деревне его Ферней, где он ковал острые

¹³ Н. К. Шильдер. Из воспоминаний Михайловского-Данилевского (1817). — «Русская старина», 1897, № 6, стр. 459.

¹⁴ А. И. Данилевский. Письма из Италии, писанные в 1809 году. — «Русский вестник», 1817, № 7—8, стр. 16.

свои стрелы и судил мир».¹⁵ Поэтому далеко не все русские «паломники» в Ферней могли рассказывать в печати о своих впечатлениях; тем не менее записи их оставались в их дневниках и мемуарах.

Осенью 1811 г. в Фернее побывал будущий декабрист Н. И. Тургенев; до того, в 1808 г., он посетил «комнату Вольтера» в Потсдаме¹⁶ (различные, связанные с Вольтером места тогда вызывали к себе особое внимание русских путешественников: вспомним о статье К. Н. Батюшкова «Путешествие в замок Сирей», описывающей реальную поездку поэта, совершенную в 1814 г.). Посетив Ферней, Н. И. Тургенев сделал такую запись в своем дневнике от 11 октября 1811 г.: «С удивительным любопытством (которого я не помню в других случаях) вступил я на крыльцо того дома, где жил (вряд ли не) остроумнейший из всех писателей (а их так много!)». Осмотрев спальню Вольтера и все, что имелось там достопримечательного, Н. И. Тургенев долго с особенным вниманием вглядывался в портрет автора «Кандида» и «Орлеанской девиственницы», висевший на стене, а также в эстамп, «представляющий гробницу Вольтера, на которой четыре части света... хотят положить ветви миртовые и лавровые; но Гений невежества, вырвавшийся из своего берлога, или пещеры, воспрещает им воздать достойное праху Вольтера». «Богатая мысль!» — восклицает Н. И. Тургенев по этому поводу.¹⁷ Из косвенных свидетельств мы узнаем, что еще через несколько лет в Ферней ездил известный по событиям 1812 г. адмирал П. В. Чичагов. В дневнике друга Байрона, Джона Хобхауза, под 11 сентября 1816 г. отмечено: «Сегодня адмирал Чичагов посетил лорда Байрона, чтобы представиться ему... Он говорит, что приехал из Лозанны в Женеву, чтобы видеть Ферней. Совершил прогулку по берегу озера с лордом Байроном».¹⁸ При всей своей краткости запись эта очень интересна и неожиданна: оказывается, что Чичагов приехал в Женеву именно для того, чтобы совершить паломничество в Ферней; узнав, что неподалеку живет другой вольнодумец нынешнего столетия, он нанес визит и ему.

На следующий год (в сентябре 1817 г.) в Фернее побывал Н. И. Греч: характерно, что его рассказ об этом помещен в альманахе Бестужева и Рылеева «Полярная звезда на 1823 г.». Посвященная Фернею страница в этих путевых письмах, впрочем, не заключает в себе ничего достопримечательного; самое интерес-

¹⁵ «Улей», 1811, ч. I, № IV, стр. 256—260. Это стихотворение является переводом фрагмента из поэмы Лагарпа и имеет заглавие «Сравнение Ж.-Ж. Руссо и Вольтера». Приведенное примечание принадлежит редактору В. Г. Анастасевичу, являвшемуся, кстати, поклонником Вольтера.

¹⁶ Дневник и письма Н. И. Тургенева, т. I. СПб., 1911, стр. 164.

¹⁷ Дневники Н. И. Тургенева за 1811—1815 гг., т. II. СПб., 1913, стр. 98—99.

¹⁸ Lord Broughton (John Cam Hobhouse). Recollections of a long life, vol. II. London, 1909, стр. 13—14.

ное в ней это начало — впечатление заброшенности этого старого гнезда и печати забвения, которая легла на всех писаниях первого владельца: «После обеда ездили мы в Ферней (из Женевы). Надобно иметь самое пылкое и творческое воображение, чтоб представить себе в этом небольшом, обветшалом доме бывшую столицу европейского философа, из которой он переписывался с государями, трогал, смешил, дурачил и обманывал Европу».¹⁹ В середине 20-х годов Ферней подробно описал А. Глаголев в своих «Записках русского путешественника». Однако этот бесталаный московский писатель, сумевший, однако, приобрести степени магистра и доктора словесных наук за свои пухлые и бессодержательные труды вроде «Умозрительных и опытных оснований словесности» (1834—1845), в наследии Вольтера разбирался еще меньше, чем Н. Греч. А. Глаголев тщательно рассмотрел фернейский сад и дом, занес в свою записную книжку все, что казалось ему достойным внимания, отметив, например, неудачное, по его мнению, местоположение «замка», который «обращен фасадом не к озеру и горам альпийским, как следовало бы по направлению холмов», а «к церкви и аллее, упирающейся в Жесскую дорогу», — он приписал это «недоразумению архитектора или притхотливому вкусу хозяина» — а затем представил свою характеристику Вольтера, удивительную по своей беспомощности и наивности.²⁰ Впрочем, таким же представляется автор и во всех трех частях своих записок, тем не менее выдержавших два издания.

Не очень далеко от А. Глаголева ушел также М. П. Погодин, уделивший Фернею страницу в описании своего заграничного путешествия 1839 г. Он также ездил в Ферней, удивился «небольшому двухэтажному дому» Вольтера, «который принадлежит теперь какому-то маркизу», прогулялся по комнатам и по саду и задумался об его старом хозяине. «Что сказать о Вольтере? Об нем все сказано и пересказано. Никак не могу я понять его образа действий, со всеми его прихожанами, так называемыми философами осмнадцатого столетия!» и т. д. Больше внимания Погодин уделил не Вольтеру, а его служителю — «высокому старику, седому, в плюсовой куртке», исполнявшему в Фернее обязанности гида. «Уж не бессмертен ли он?» — сказал о нем Погодину его спутник. «В самом деле, такая длинная жизнь кажется несколько подозрительною, — подумал про себя путешественник. — Вот человек, который мог видеть все фазы человеческой славы, Вольтеровой славы, по числу путешественников, приезжавших со всех сторон поклоняться Вольтеру. Чуть ли не последняя

¹⁹ Полярная звезда, изданная А. Бестужевым и К. Рылеевым. М.—Л., 1960, стр. 97—98. (Серия «Литературные памятники» АН СССР).

²⁰ А. Глаголев. Записки русского путешественника, ч. III. Изд. 2-е, СПб., 1845, стр. 17—33 («Фернейский замок»).

четверть наступила теперь, и даже давно! Если старик вздумает прожить еще лет десяток, то может быть умрет пустынноиком. *Sic transit gloria mundi*»²¹

Статья П. А. Вяземского «Ферней» начинается цитатой о Вольтере из «Писем» Карамзина, затем описан Ферней; повествование прерывается размышлениями о Вольтере, скорей сочувственными, чем отрицательными. Напомнив о Карамзине, Вяземский сообщил, что и он, со своей стороны, «почел за приятную обязанность или должность побывать еще раз в Фернее. Посетил я его за несколько лет тому в первый мой проезд через Женеву. Вчера опять отправился я на поклонение». «Хотя я не вольтерианец, но и не бешеный антивольтерианец», — пишет Вяземский далее, полагая, что «все-таки в Вольтере найдется много, за что можно помянуть его не лихом, а добрым словом ... Может быть, даже ударились в противоположную крайность. Вольтера, может быть, вовсе не читают. Это жаль и несправедливо»²² и т. д. Тогда же возникло большое стихотворение Вяземского «Ферней» («На ум мне приходит владелец Фернея . . .»), отмеченное той же двойственностью восприятия личности и наследия фернейского мудреца, заканчивающееся следующей строфой:

И бросить ли камень в твой пепел остывший,
Боец, в битвах века растративший силы?
О, нет, не укором, а скорбью глубокой,
О немощах наших и в доле высокой,
Я, грешника славы, тебя помяну...²³

В июне 1859 г. в Ферней явился еще один обломок пушкинской поры — П. А. Плетнев,²⁴ еще позже (1876) А. В. Никитенко, которому «смотритель Вольтерова дома» сообщил, что «русских посетителей Фернея бывает очень много». Никитенко был весьма доволен своим посещением этого места, «куда, — пишет он в своем дневнике, — давно влекло меня желание поклониться тени чело- века, у которого было хорошее сердце, скверный характер и возвышенный ум с гением писателя» и прибавляет: «Что бы о нем ни думали и ни говорили, — а Европа обязана ему значительной частью своих успехов умственных и гражданских».²⁵

Это было не последнее путешествие в Ферней в XIX в. Их совершали и позже: «Хоть на несколько мгновений побывать там, где долгие годы провел в напряженном труде такой человек, взглянуть на его обстановку, перенестись на месте в его ощущения и думы, — сколько в этом привлекательного!..» — восклицал

²¹ М. Погодин. Год в чужих краях. 1839. Дорожный дневник, ч. IV. М., 1844, стр. 161—163.

²² П. А. Вяземский, Полн. собр. соч., т. VII, СПб., 1882, стр. 52—54.

²³ Там же, т. XI, СПб., 1887, стр. 324—326.

²⁴ Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым, т. III, СПб., стр. 659.

²⁵ А. В. Никитенко. Дневник, т. 3. М.—Л., 1956, стр. 373.

Алексей Веселовский, побывавший в Фернее в 1892 г.²⁶ Но дело было не только в том, что реабилитация фернейского патриарха к этому времени совершилась полностью, но и в том, что до конца столетия интерес к наследию Вольтера перебивался любопытством к его личности.²⁷

В свете приведенных справок получает особое значение известная сцена повести Достоевского «Село Степанчиково» (ч. 2, гл. III), в которой Бахчеев и Ежевикин спорят с Фомой о «вольтерьянцах»: «Меня самого вольтерьянцем обозвали — ей богу-с, жалуется Ежевикин, — а ведь я, всем известно, так еще мало-с написал-с ... то есть кринка молока у бабы скиснет — все господин Вольтер виноват. Все у нас так-с.

«— Ну, нет! заметил дядя с важностью, — это ведь заблуждение! Вольтер был только острый писатель; смеялся над предубеждениями; а волтерьянцем никогда не бывал! Это все про него враги распустили. За что ж в самом деле все на него, бедняка?».

Любопытство к личности писателя и ее популярность заслуживали порой интерес к его творческому наследию.

²⁶ Алексей Веселовский. У Вольтера. — В кн.: Помощь голодающим. Научно-литературный сборник. М., 1892, стр. 453—461. Эта статья перепечатывалась четыре раза в составе сборника статей А. Веселовского «Этюды и характеристики» (изд. 4-е, т. I, М., 1912, стр. 202—210).

²⁷ См., например: Н. К. Михайловский, Сочинения, т. 6, СПб., 1897, стр. 1—71; Н. В. Симборский. Статуя. В кн.: Поэты-демократы 1870—1880-х годов. Ред. А. М. Бихтера, М.—Л., 1962, стр. 362—376.